

ТЕМА НАСТАВНИЧЕСТВА В НЕМЕЦКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ РОМАНЕ XX ВЕКА

В статье рассмотрены основные типы сквозного для произведений Т. Манна и Г. Гессе образа героя-наставника. Помимо самостоятельной значимости исследования этого образа для восприятия немецкой литературы XX века, очевидна его тесная соотнесенность с образом главного героя произведения как выразителя духовной атмосферы своего времени.

Ключевые слова: интеллектуальный роман, герой-наставник, компаративистика, бодхисатва, Г. Гессе, Т. Манн.

Жанр интеллектуального романа, возникшего на немецкой почве в XX веке, обладает рядом типичных особенностей, одной из которых является укрупненное, генерализованное изображение человека. В центре внимания авторов-представителей этого жанра герой, чей духовный, нравственный путь – путь становления личности – становится главной сюжетно- и формообразующей нитью произведения.

Сам термин «интеллектуальный роман» был предложен Томасом Манном в 1924 году и объединил впоследствии мощный пласт произведений мировой литературы XX века, он включает в себя не только закономерности построения, организации пространства и даже восприятия читателем произведений такого рода, но и особенности взаимоотношений героя с внешним миром. Оговоримся, что этот термин, став атрибутом литературоведческого анализа, со временем расширил свои формальные границы по сравнению с исходным, поэтому его следует относить не только к крупным прозаическим формам, но и к другим произведениям, отвечающим содержательным особенностям жанра.

Черета потрясений, перенесенных обществом в XX веке, не могла не отразиться и не видоизменить сознание, а также духовные и интеллектуальные потребности человека. Литература, как зеркало, в котором становятся особенно заметны настроения эпохи, в свою очередь, не могла этих изменений не отразить. К чертам новой литературы относят и размывание ее границ с философией и наукой, что отражает потребность человека наблюдать более широкий спектр взглядов на действительность, и смысловую многопластовость произведения, и становящееся закономерным присутствие в произведении нескольких миров, разъединенных не только переносном, духовном смысле, но и в прямом. В полной мере сложившееся мироощущение отразилось и в образе героя. Давать обобщенную характеристику такому герою и легко (так как его воплощения в произведениях разных авторов имеют несомненное и очевидное сходство на уровне особых потребностей и мировосприятия), и сложно, потому что не только каждый писатель, но и каждое произведение этого жанра образует мир с особой логикой, корни которой могут находиться в самых разнообразных философских или религиозных системах. В рамках данной статьи мы сосредоточимся на про-

* © Гельт М.Е., 2013

Гельт Мария Евгеньевна (maria-gelt@mail.ru), кафедра зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, 129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.

изведениях двух крупнейших писателей XX века — Томаса Манна и Германа Гессе — писателей, чьи художественные миры имеют массу кажущихся и реальных различий, однако соединены общностью духовного и рационального восприятия назначения человека.

Если попытаться дать предельно обобщенную и краткую характеристику герою интеллектуального романа как явлению, то эта характеристика будет основываться на следующих особенностях: во-первых, герой интеллектуального романа на духовном и интеллектуальном уровнях всегда воплощает самые значимые черты своего времени, эпохи. Именно так реализуется, в числе прочего, стремление авторов таких произведений к универсальности описываемого. Во-вторых, нетрудно заметить, что герой интеллектуального романа чаще всего с детства отмечен некоей печатью избранности, которая осознается им самим с разной долей серьезности: вспомним Иосифа, а также игры маленьких Касторпа или Круля, с помощью которых они словно отделяли и ставили себя выше остального мира, или героя повести «Демиан», в связи с образом которого слово «печать» обыгрывается не только в переносном, но и в прямом, библейском смысле (Каинова печать). Эта печать избранности обуславливает третью особенность, которая заключается в постоянном внутреннем противоборстве. Герой постоянно ощущает некую раздвоенность, неукорененность, отсутствие гармонии, поиски которой и составляют художественную и философскую основу произведения.

Большой ошибкой было бы заключить, что все остальные действующие лица интеллектуальных романов представляют собой безликие тени, необходимые лишь формально — для построения сюжета: «... каждый из героев представляет собой нечто большее, нежели то, чем он кажется на первый взгляд: все они — гонцы и посланцы, представляющие духовные сферы, принципы и миры. Надеюсь, что от этого они не превратились в ходячие аллегории. Это тревожило бы меня, если бы я не знал, что эти герои — Иоахим, Клавдия Шоша, Пеперкорн, Сеттембрини и все прочие — живут в воображении читателя как реальные лица, о которых он вспоминает, как о своих добрых знакомых» [4, с. 166]. Каждый из этих образов уникален, все они в совокупности представляют своеобразную модель мира, однако наиболее укрупненно Т. Манн и Г. Гессе рассматривают одного героя — героя, находящегося на самом сложнейшем пути — пути к самому себе.

Вполне закономерным представляется, что рядом с таким героем периодически появляются люди, которые в большей или меньшей степени оказывают влияние на его личность. Неслучайно тема обучения или учительства так часто возникает в интеллектуальном романе: вспомним учителей Кнехта или Леверкюна. Однако не только учителя в прямом смысле этого слова влияют на становление героя. Одной из особенностей организации системы персонажей этого жанра является наличие некоего героя-наставника (или героя, который хочет быть наставником), сопровождающего и направляющего своего подопечного на определенном этапе его становления.

Н.С. Павлова отмечает, что большинство немецких интеллектуальных романов продолжили «... сложившийся на немецкой почве в XVIII в. жанр романа воспитания. Но воспитание понималось согласно традиции («Фауст» Гете, «Генрих фон Офтердинген» Новалиса) не только как нравственное совершенствование. Герои не заняты обузданием своих страстей и буйных порывов, не задают себе уроков, не принимают программ, как это делал, например, герой «Детства», «Отрочества» и «Юности» у Толстого. Их облик вообще существенно не меняется, характер стабилен. Постепенно они освобождаются только от случайного и лишнего» [2]. Иными словами, миссия наставника заключается не столько в том, чтобы развивать в общепринятом смысле этого слова, и в еще меньшей степени в том, чтобы выбирать путь для духовного совершенствования героя, сколько сопровождать своего воспитанника на определен-

ном этапе того пути, который он сам избрал, и охранять этот путь в первую очередь от него самого.

Тема наставничества имеет прямое соотношение с темой двойничества, чаще выделяемой исследователями в связи с творчеством Г. Гессе, однако имеющей отношение и к произведениям Т. Манна. Обычно говорится об «... обязательно присутствующем «антипode, воплощении внутреннего голоса» (В. Седелник), «теме двойника» (А. Березина), «гессевском принципе биполярности человека» (А. Гутманис), преодолении «двойственности, обретении единства» (А. Гулыга), «раздвоенности героя, реализующейся в образе двух персонажей» (Р. Каларашвили)». Несмотря на то, что зачастую герой-наставник может еще и являться «двойником», и наоборот, ставить знак тождества между этими образами было бы неверно. Тождество это невозможно, в первую очередь, потому, что «двойник» по отношению к главному герою произведений Манна и Гессе всегда будет наставником, но наставник далеко не всегда будет являться «двойником» [3, с. 8].

Систематизировав и прибегнув к компаративному анализу наиболее ярких воплощений образа героя-наставника в произведениях Г. Гессе и Т. Манна, мы предлагаем ряд моделей, на примере которых отчетливее можно увидеть не только особенности характеров героев такого типа, но и те способы воздействия на своего подопечного, которые они выбирают. Итак, как наиболее значимые и характерные мы предлагаем следующие модели:

1. Активный наставник или наставник-идеолог;
2. Пассивный наставник;
3. Наставник-бодхисатва.

Прежде чем обратиться к предлагаемым моделям подробнее, необходимо отметить, что в произведениях Манна и Гессе образ наставника всегда соотносится с образом главного героя и поэтому не обладает такой же самостоятельностью. Однако его вмешательство всегда значимо, даже если не в той мере и не в том качестве, в котором предполагает сам наставник. Вообще, слово «вмешательство» является не совсем адекватным для обозначения связи между наставником и его подопечным в произведениях этих писателей, т. к. сознание и духовная сформированность героев находятся чаще всего уже на том этапе, когда возможность случайных и ненужных вмешательств исключена. Обратимся, однако, к тем типам героя-наставника, которые были заявлены.

Воплощениями образов активных наставников или героев-идеологов являются, в первую очередь, те персонажи, для которых «воспитание» своего подопечного составляет определенную личную цель. В силу особого, очень подвижного в чувственном и духовном плане состояния героя, его способность впитывать разнообразные идеи чрезвычайно велика. Это и привлекает активного наставника. Ни в коей мере не желая своему воспитаннику зла, герои вроде Лодовико Сеттембрини из романа Т. Манна «Волшебная гора» обрушивают на него тот груз ценностей и размышлений, который стал частью их самих, не особенно задаваясь вопросом о том, отвечает ли он изначальным потребностям подопечного. Тип наставника-идеолога ярко контрастирует с типом наставника-бодхисатвы, о котором мы будем говорить ниже, именно вследствие довлеющей силы «Я», «Эго» наставника над сознанием героя, нуждающегося в иных отношениях. Отметим, что Сеттембрини гораздо больше интересуется тот Касторп, который только что прибыл в санаторий, чем тот, который уже подвергся влиянию «горы». Тот Касторп, который соответствует его представлениям о европейском духе, не подчиняющийся и не вступающий в тесные отношения с природным началом «мистичным и злым» [5, с. 295], отвергающий тело (вспомним начало пребывания героя в Берггофе), относящийся ко времени и пространству сугубо рацио-

нально. Именно начало «разрывания пуповины», которая связывает Касторпа с традициями европейского гуманизма, на которых он воспитывался, и приближение к стихии хаоса, природы, Азии чрезвычайно беспокоит Сеттембрини. Именно поэтому он советует Гансу уехать. Такое наставничество оказывает на героя некое влияние, однако не столь мощное, сколь хотелось бы тому, кто возвел себя в ранг духовного учителя. Так, знакомство с Сеттембрини для Ганса Касторпа становится лишь одним из жизненных факторов, участвующих в его формировании. Участвующих не самостоятельно, а наряду с другими.

Второй тип наставника, условно обозначенный нами как «пассивный», является наставником только в сознании главного героя. Сам он вполне может не подозревать не только о возложенной на него миссии, но даже о существовании того человека, на которого он невольно воздействует. Этот живущий своей жизнью человек как бы случайно вливается в жизнь главного героя, чтобы стать ее духовным этапом именно тогда, когда для этого приходит время. Ярко иллюстрирует такой тип образ Тадзио из новеллы «Смерть в Венеции» Томаса Манна, который одним своим существованием оформляет в сознании Ашенбаха все те черты подлинной жизни, отсутствие которых в нем самом и его творчестве становится трагическим и гибельным для героя.

До последней страницы «Индийского жизнеописания» Г. Гессе примером подобного вида наставничества является аскет, которому пытается подражать Даса, главный герой повести. Этот живущий в лесу отшельник, предающийся саморефлексии, медитации, просто не замечает героя, примером для которого он служит. Однако с окончанием повести истинное обучение героя не заканчивается, а лишь начинается (выше мы упоминали о такой характерной черте построения произведения) с преобразования роли наставника, который предстает теперь как бодхисатва.

Этот буддистский религиозно-философский термин употреблен нами неслучайно. Такой тип наставничества мы встречаем в основном в произведениях Г. Гессе, большинство из которых имеют внешнюю или глубинную соотнесенность с этой религией. Сам Гессе не всегда определяет наставников таким образом, чаще он использует емкое определение Учитель. Однако следуя пути, предложенному писателем, для более ясной характеристики данного типа героя этот термин представляется правомерным даже вне индийской тематики. В религиозном понимании бодхисатва — это просветленный человек, который жертвует нирваной для того, чтобы указать путь к ней своим ученикам. В отличие от особенностей первого описанного нами типа наставничества, наставник-бодхисатва не принуждает воспитанника следовать намеченному им плану, а сам словно растворяется в своем подопечном, чтобы вместе с ним еще раз пройти уже пройденный однажды путь. Бодхисатва просветлен, он лишен в своих устремлениях всякого проявления «эго» (опять же, в отличие от наставника — идеолога), поэтому он прекращает свою миссию ровно в тот момент, когда для воспитанника завершается этап, требующий их взаимодействия. Ярче всего эту закономерность можно проследить на примере отношений Нарцисса и Гольдмунда в одноименной притче, Васудевы и Сиддхартхи в повести «Сиддхартха», Демиана и Эмиля Синклера в романе «Демиан».

Позволим себе несколько уточнить позицию, высказанную Н.С. Павловой относительно отказа от образа наставника в произведении «Доктор Фаустус» Т. Манна. Исследователь связывает данную идею с изменением мировоззренческих установок, направленности произведения: «Если «Волшебную гору», а тем более «Иосифа и его братьев» еще есть основания считать воспитательными романами, так как их герои еще видят перед собой возможность познания или плодотворной практической деятельности, то в «Докторе Фаустусе» воспитывать некого. Это действительно «роман

конца», как называл его сам автор, роман, в котором различные темы доведены до своего предела: гибель Леверкюна, гибель Германии. Образ обрыва, взрыва, предела объединяет в единое созвучие разные мотивы произведения: опасный предел, к которому пришло искусство; последняя черта, к которой подошло человечество» [2, с. 221]. Образ наставника, тем не менее, фигурирует в произведении в лице музыканта Кречмара. Все дело в том, что сам герой не готов к его восприятию именно в силу описанной выше внутренней стагнации.

Едва ли таким же образом можно объяснить отсутствие «воспитательной» линии в некоторых произведениях Г. Гессе. В повести «Кнульп» изображен одинокий бродяга, для которого тот скитальческий образ жизни, который он себе избрал, является желанным и единственно возможным, хотя подчас тяготит. Разговор с Богом в конце повести подводит своеобразный итог жизни героя: «Господь бог, однако, все время улыбался, слушая Кнульпа, и по временам его лицо пропадало в метели: «Нет, Кнульп, — говорит он назидательно, — вспомни свои юношеские скитания, вспомни лето в Оденвальде и лехштеттенские деньки. Разве же ты не отплясывал там, как молодой олень, не чувствовал, как благодатная жизнь играет во всех твоих помыслах? <...> Ты все еще не догадался, дитя неразумное, в чем был смысл всего? Ты все еще не догадался, мой милый, зачем тебе суждено было пройти по жизни легкомысленным бездельником и бродягой. Да затем, чтобы внести в мир хоть малую толику детского сумасбродства и детского смеха. Затем, чтобы люди тебя повсюду чуточку любили, чуточку поддразнивали и чуточку были тебе благодарны <...> Слушай, — говорил ему господь, — ты мне был нужен такой, какой ты есть. Во имя мое ты странствовал и пробуждал в оседлых людях смутную тоску по свободе. Во имя мое ты делал глупости и бывал осмеян; это я сам был осмеян в тебе и в тебе любим. Ты дитя мое, брат мой, ты частица меня самого, все, что ты испытал и выстрадал, я испытал вместе с тобой» [1, с. 86]. В плане внутренней эволюции образ главного героя повести «Кнульп» практически неподвижен, однако именно эта неподвижность, по Гессе, гораздо больше отвечает духовной сути, предназначению героя, чем самый напряженный и деятельный поиск. В отличие от Т. Манна, который через отказ от развития иллюстрирует духовный крах человека и эпохи, Г. Гессе рисует человека, для сохранения духовного мира которого органично стремление не к развитию (самостоятельному или с помощью кого-то), а к сохранению себя изначального.

Останавливаться более подробно на этих (и подобных им) образах значило бы затронуть темы хоть и смежные с темой настоящей статьи, но значительно более широкие и самостоятельные: типологические особенности героя и особенности организации интеллектуального романа. Нашей же задачей было описать основные направления мысли, возникающие при анализе сквозного для произведений Т. Манна и Г. Гессе образа героя-наставника. Предлагаемая градация является предельно обобщенной и будет расширена и дополнена в исследованиях более фундаментального характера.

Библиографический список

1. Гессе Г. Кнульп: собр. соч.: в 4 т. / пер. с нем. Е. Маркович. СПб.: Северо-запад, 1994. Т. 2. 414 с.
2. Зарубежная литература XX века / под ред. Л.Г. Андреева. URL: <http://www.infolib.info/philol/andreev/9.html> (дата обращения: 30.01.2013).
3. Малащенко В.В. Проза Германа Гессе 1910 годов: трансформация поэтики: учеб. пособие. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. 92 с. (Классика мировой литературы: интерпретации).

4. Манн Т. Введение к «Волшебной горе» // Полн. собр. соч.: в 10 т. / пер. с нем. Ю. Афонькина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 9. 530 с.
5. Манн Т. Волшебная гора / пер. с нем. В. Курелл, В. Станкевич; предисл. С. Апт. М.: Крусь, 1994. 409 с.

*M.A. Gelt**

THEME OF MENTORSHIP IN THE GERMAN INTELLECTUAL NOVEL OF THE XX CENTURY

The article describes the main types of pass-through image of the hero-mentor for the works of T. Mann and G. Hesse. Besides the independent importance of research of this image for the perception of German literature of the XX century, the close correlation with the way the main character works as a spokesman for the spiritual atmosphere of the time is obvious.

Key words: intellectual novel, hero-mentor, comparative studies, bodhisattva, G. Hesse, T. Mann.

* *Gelt Maria Evgenievna* (maria-gelt@mail.ru), the Dept. of Foreign Philology, Moscow City Teachers' Training University, Moscow, 129226, Russian Federation.